

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные

психологические романы

Ирины

ГРИН

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

Сквозь ametистовые очки

Чужая лебединая песня

Сети кружевницы

ИРИНА ГРИН

ЧУЖАЯ
ЛЕБЕДИНАЯ
ПЕСНЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Грин, Ирина.

Г85 Чужая лебединая песня / Ирина Грин. —
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Переплете-
ние чувств).

ISBN 978-5-04-184110-2

Программист Федор Лебедев привык жить один, но однажды ночью на его пороге возникла прекрасная незнакомка. Девушка ранена и не может рассказать, что с ней случилось...

Ася Субботина сильно встревожена — Федор, ее друг и коллега по работе в детективно-консалтинговом агентстве «Кайрос», попал в большую беду. Федора подозревают в убийстве, он пустился в бега, но перед этим обратился к Асе со странной просьбой — купить конверт с тюльпанами...

Никогда не знаешь, что принесет тот, кто стучится ночью в твою дверь, — горькое разочарование или большую удачу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184110-2

© Грин И., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Порыв теплого сентябрьского ветра мягко подтолкнул в спину, и Раиса, до этого едва передвигавшая ноги, зашагала быстрее. Видавшая виды сумка на колесиках заскакала следом, подпрыгивая на неровностях убитой дождями дороги.

— Потерпи, уже почти пришли, — то ли сумке, то ли себе сказала Раиса.

И действительно, до цели ночного похода было рукой подать — впереди двумя путеводными звездами светились фонари, установленные возле контейнерной площадки, именуемой в народе «Столетовской мусоркой». Знаменита она была тем, что находилась возле дороги, на выезде из микрорайона, и пользовались ее услугами не только жители соседних домов, но и автомобилисты, которые, загрузив в багажник пакеты с мусором, могли проездить не один день и, лишь увидев по пути внушительное сооружение, вспомнить о необходимости освободиться от отходов.

Мусорка пользовалась интересом у определенных слоев населения тем, что на ее высокое ограждение доброхоты вывешивали ненужную одежду, выставляли обувь, которая еще вполне может послужить.

Как-то Раиса обнаружила здесь абсолютно целую дубленку.

Очевидно, хозяйка сдала ее в химчистку, и после стирки вещица немного села и скукожилась. Хотя по-прежнему оставалась теплой и приличной. В ней даже на улицу не стыдно днем выйти. Но сейчас еще тепло, в дубленке особо не пощеголяешь, и Раиса передвигается в основном по ночам.

Не очень приятно, когда вслед тебе тычут пальцами и говорят пренебрежительно: бомжиха. А какая она бомжиха? Жилье у нее есть. Вполне определенное место жительства. Правда, без воды, света и газа. Но крыша над головой имеется.

Когда-то, при СССР, таких, как она, называли бичами, что расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». А что такое интеллигентность? Наверное, это, в первую очередь, способность мыслить. А мыслить Раиса в последнее время стала гораздо больше, чем когда бы то ни было. Жизнь, которую она вела, сделала ее философом. Пусть доморощенным, но все-таки философом. Опять же здесь, на мусорке, она несколько раз натыкалась на книги, аккуратными стопками выставленные у забора. Их Раиса забирала в первую очередь. Их и еще одежду. Больше ничего. До того, чтобы выискивать в помойке еду, она еще не докатилась. И, даст бог, не докатится.

А книги разные попадались. Один раз еле доперла до дома аккуратно перевязанную веревкой стопку. Развязала — и хоть плачь, хоть смейся: «Справочник металлиста» в пяти томах, все как на подбор толстые, ярко-алые, и шесть томов — «Проектирование цехов машиностроительных заводов». Полистала — всё какие-то таблицы, формулы. Выбрасывать не стала, стоят на подоконнике рядом.

А один раз нашла «Американскую трагедию» Драйзера в двух томах. Так не то что прочитала — проглотила. Два дня не выходила из дома, а когда дочитала, долго

плакала. Любовь, страсть, расчет, предательство, убийство... Книга захвatiла в плен и долго не выпускала.

В этот момент размышления Раисы прервал жуткий звук: где-то совсем рядом завыла собака. От страха сердце подскочило к горлу и мелко-мелко задрожало. А вой дошел до невыносимо высокой ноты, а потом сорвался на отрывистый лай.

«Собака, это всего лишь собака», — попыталась успокоить себя Раиса, но сердце вдруг замерло, парализованное первобытным страхом, вылезшим из самых потаенных глубин подсознания.

«К покойнику», — поняло оно.

«Предрассудки», — возразила ему Раиса.

Но разве можно переспорить собственное сердце?

Раиса попятилась, наступила на сумку, не удержала равновесие и упала, больно ударившись коленкой. Сумка, загрохотав, упала рядом. Вой прекратился, от мусорки шарахнулась тень.

— Вот видишь, — сказала себе Раиса, — это всего лишь собака.

Пес, такой же облезлый и худой, как Раиса, поджав хвост, рванул в темноту, а за ним призрачной туманной дымкой потянулся Раисин страх.

Нет, собак она не боялась. Гораздо страшнее люди.

С трудом поднявшись, Раиса подошла к ограде. Нога болела, но не зря же она проделала весь этот путь, чтобы теперь уйти вот так, с пустыми руками. Тем более внизу, под баками, громоздилась большая куча одежды. Наверняка найдется что-нибудь по размеру.

Спешить Раиса не стала. Сначала осмотрела выставленную у ограждения обувь. Неплохие кроссовки без шнурков оказались малы. Туфли побольше вроде впору. Они мужские, но вполне можно носить под брюки. Правда, левый немного скособочен, ну да ладно, сойдет.

Сунув туфли в сумку, Раиса подошла ближе к контейнерам.

Наклонилась, чтобы получше рассмотреть потенциальную добычу, и приглушенно вскрикнула от ужаса. Это была женщина. Прикрыта простыней и явно мертвая, потому что у живых не может быть такого взгляда.

Раиса присмотрелась к женщине — за годы походов по свалкам она успела свести шапочное знакомство с некоторыми «коллегами» и боялась увидеть знакомое лицо. Ей двигала вовсе не жалость, а, скорее, боязнь, что она может оказаться следующей. Но эту женщину Раиса определенно никогда не видела.

Очевидно, ее ударили по голове — волосы справа слиплись от крови. Под левым глазом фиолетовой кляксой темнел синяк. Но это не мешало ей улыбаться. Хотя улыбка эта была какой-то неприятной. Изdevательской, что ли? Не каждому понравится, когда на него смотрят с такой улыбкой. Не каждый стерпит ее молча, не ответив резким словом. Или ударом по голове.

«Кто ты? — мысленно спросила Раиса у незнакомки. — Такая же, как я, собирательница полезностей на задворках чужих жизней или..?»

Любопытство пересилило отвращение и страх. Раиса присела перед женщиной на корточки и потянула за край простыни...

Глава 1

Федор Лебедев придержал дверь подъезда, выпуская старушку с собачкой, и вежливо поздоровался:

— Здрассти!

Старушка покосилась на него и пробормотала что-то себе под нос: то ли ответное приветствие, то ли что-то вроде «ходят тут всякие». И хотя «всяким» Федор не был — жил в этом доме уже почти три года и с бабулей этой уже сто раз сталкивался, но ход ее мыслей был прост, как элементарная консольная программа: люди, живущие в престижном особняке в центре города, должны выглядеть соответствующе. Например, как Кристина Светлова, генеральный директор детективно-консалтинговой фирмы «Кайрос», в которой работал Федор, чью идеальную прическу, казалось, не в состоянии был нарушить даже самый сильный ураган. Или ее зам, Тимур Молчанов, в прошлом владелец крупного банка, чьи идеально сидящие костюмы куплены явно не в масс-маркете¹. Да и сама бабуля одета вполне прилично, и оскаленные в презрительной ухмылке зубы явно изготовлены в дорогой стоматологической клинике. Пес немного подкачал — пушистый плоскомордый мало-

¹ Подробнее с сотрудниками агентства «Кайрос» можно познакомиться в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

рослик с выпученными глазами. Тут больше бы подошла борзая с аристократически удлиненной маленькой головкой или королевский дог. И пусть дому, слегка облезшей трехэтажке, уже больше ста лет и часть квартир в нем не особо приспособлена для жилья, но когда-то, при прежних хозяевах, личности, одетые, подобно Федору, в мятые футболки, драные джинсы и кеды, чьи высунутые до предела языки делают их похожими на гончих псов, входили в него исключительно с черного хода. Конечно, кеды были нарочито уродливыми, а драли джинсы не собаки, а стилисты, но объясняться Федор не собирался. Ему нравилось эпатировать окружающих своим внешним видом, и он не собирался отказываться от этой привычки.

Квартира, в которой обитал Федор, принадлежала бабушке его институтского друга Михаила Кондратьева. Когда-то она была частью огромной бальной залы. (Именно так — не зала, а залы.) Высоченный потолок, огромное окно, напротив окна — самый что ни на есть настоящий камин и... И все. Сразу за окном шла глухая стена — после революции из залы «нарезали» десяток комнат, в которых поселилось три десятка жильцов.

Прадед Михаила, Иван Кондратьев, занимал какой-то важный пост, и ему достались апартаменты с отдельным входом. В остальную часть бывшей залы попасть можно было из другого подъезда — того самого черного хода. Ивану Кондратьеву нескованно повезло: у него было отдельное жилье. Немного омрачало радость отсутствие удобств. Но Кондратьев был человеком рукастым, опять же высокий пост позволял пользоваться бесплатной рабочей силой, и вскоре кусок залы обзавелся крошечной кухней, таким же микроскопическим санузлом и небольшой комнаткой без окон — кабинетом.

Через пару лет прадед женился. Перегородка, делившая комнату на части, была сдвинута, что позволило